

А. НИКОЛАЕВЪ.

ПАЛѢСТИНА

(ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Съ рисунками въ текстѣ.

Печатано съ 2-го изданія, допущеннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ учен. библ. низш. учил.

МОСКВА—1915

Изданіе 3-е книжнаго склада М. В. Илюмина. Ваганьковскій пер., д. № 9.

Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

www.pds.orthodoxy.ru

Москва
2006

ТИПОГРАФІЯ В. П. ВОРОНОВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Что такое Палестина и гдѣ она находится?

Быть можетъ, не всякій знаетъ, что такое Палестина, но зато навѣрное мало кто не слыхалъ о городѣ Іерусалимѣ, гдѣ совершались важнѣйшія событія земной жизни Іисуса Христа. Палестина и есть та страна, главнымъ городомъ которой съ древнѣйшихъ временъ считаютъ Іерусалимъ. Желаніе увидѣть землю, гдѣ родился, училъ и страдалъ Спаситель, всегда привлекало въ Палестину большія толпы богомольцевъ. Однихъ русскихъ ежегодно направляется въ Іерусалимъ тысячъ до пяти, при чемъ изъ нихъ громадное большинство — простолюдины. Палестина находится на полдень — на югъ отъ нашего государства и принадлежитъ въ настоящее время туркамъ. Хотя до Іерусалима и можно добраться сухимъ путемъ, но путешествуютъ туда обыкновенно моремъ. На пароходѣ можно доѣхать и дешево, и скоро, и безопасно. Тому же, кто побоялся бы ѣхать моремъ, пришлось бы итти черезъ Кавказъ, черезъ Грузію и разныя турецкія владѣнія; все это мѣста гористыя, пустынные, гдѣ не только желѣзныхъ дорогъ нѣтъ, но и вообще порядочныхъ путей сообщенія; отъ нашей же границы до Іерусалима не меньше 1500 верстъ.

Нечего и говорить, какихъ денегъ стоило бы такое путешествіе, а на пароходѣ да по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ отъ Петербурга до Іерусалима и обратно можно съѣздить всего за 57 руб.

Горы Палестины.

Почти вся Палестина покрыта горами; онѣ громоздятся то въ безпорядкѣ, то идутъ чередой другъ за другомъ и образуютъ тогда цѣпи. Изъ горныхъ цѣпей самая длинная называется Ливаномъ, что значитъ бѣлыя горы. Онѣ тянутся съ полдня,—юга,—на сѣверъ вдоль берега Средиземнаго моря, волны котораго омывають съ запада Палестину. Горы эти не очень высоки; и вершины ихъ покрываются снѣгомъ только зимой, тогда какъ на высокихъ горахъ въ другихъ странахъ снѣгъ обыкновенно лежитъ круглый годъ. Но путешествовать по Ливану все же дѣло нелегкое; крутые подъемы и спуски, покрытые часто каменными обломками, обрывы и ущелья доставляютъ путнику немало хлопотъ.

Цѣпь эта не даромъ названа Ливаномъ, или бѣлыми горами. Въ нихъ много мѣлу, а мѣлъ одинъ изъ мягкихъ камней и можетъ небольшими частями растворяться въ дождевой водѣ. Вотъ почему въ горахъ Ливана встрѣчается много пещеръ, пустыхъ мѣсть, выточенныхъ внутри скалъ водою, которая просачивалась черезъ щели.

Своими пещерами въ каменныхъ глыбахъ славится не только Ливанъ, но и другія горы Палестины. Пещеры эти служили гробницами, убѣжищами или даже жилищами; въ иныхъ были устроены цѣлые города съ запутанными улицами и множествомъ переулковъ и проходовъ.

Есть мѣста въ Палестинѣ, гдѣ на огромномъ пространствѣ рѣшительно всѣ холмы выдолблены такими пещерами; однѣ изъ нихъ устроены природой, другія—руками человѣка. Здѣсь обитали самые древніе жители Палестины въ то время, когда не было ни Иерусалима ни даже самихъ евреевъ. Пускаться въ эти запутанныя подземелья

путешественники рѣшаются только вмѣстѣ съ опытными проводниками изъ мѣстныхъ жителей; да и то приходится все время смотрѣть, чтобы не оборвалась веревка, ведущая къ выходу. Вотъ какъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ посѣщеній такихъ пещеръ извѣстный русскій путешественникъ докторъ Елисѣевъ.

«Свѣчи наши догорали, въ запасѣ осталась всего одна — нужно было торопиться. Въ началѣ мы отступали бодро, но вотъ проводникъ съ ужасомъ объявилъ намъ о томъ, что мы заблудились, потому что потеряли путеводную нить. «Клянусь Богомъ, — вдругъ какимъ-то испуганнымъ и хриплымъ голосомъ заговорилъ намъ проводникъ, — веревка наша оборвалась: мы погибнемъ!» Наступила минута такого ужаса, о которомъ даже теперь, черезъ 10 лѣтъ, нельзя вспоминать безъ содроганія. А тутъ еще вдругъ по неосторожности проводника потухли всѣ наши свѣчи, и мы очутились въ безпросвѣтной, настоящей кромѣшной тьмѣ.

Къ счастью одинъ изъ насъ успѣлъ зажечь наплывшую свѣчу и вслѣдъ затѣмъ найти оборванный конецъ веревки. Я почувствовалъ тогда приливъ новыхъ силъ и пошелъ по направленію забрезжившаго свѣта. Скоро мы были въ болѣе просторной пещерѣ, гдѣ могли вздохнуть свободнѣе.

Безумная радость объяла моихъ проводниковъ: они прыгали, хохотали и бѣсновались въ подземельѣ, освѣщенномъ лишь единственной оставшейся свѣчей».

Животныя и растенія Палестины.

Всѣ эти холмы и горы Палестины пересѣкаются многими долинами и ущеліями, часто покрытыми густою травой и прекрасными деревьями. Нерѣдко здѣсь попадаются чрезвычайно красивыя мѣста.

Дикі отвѣсы, обрывы, разбросанныя въ живописномъ безпорядкѣ скалы, необыкновенной формы камни, это все перемѣшивается съ небольшими полями и лугами и цѣлыми рощами разныхъ деревъ; масса душистыхъ горныхъ травъ, устѣянныхъ пестрыми цвѣтами, образуетъ настоящій коверъ. Цѣлые десятки разноцвѣтныхъ бабочекъ носятся надъ этими пестрыми лужайками.

Но и склоны горъ не были прежде такъ пустыни и безжизненны, какъ теперь. Они были покрыты густыми лѣсами высокихъ и прекрасныхъ деревъ, изъ которыхъ особенно славились ливанскіе кедръ.

Кедръ — хвойное дерево; листья его — въ видѣ иглъ, какъ у нашихъ сосенъ и елей, и не опадаютъ ни зимою ни лѣтомъ. Кедръ круглый годъ остается зеленымъ. Каждый годъ кедръ приноситъ шишки, въ которыхъ скрыты орѣшки, извѣстные подъ именемъ кедровыхъ. Ихъ можно достать, какъ лакомство, на любомъ большомъ базарѣ. Въ древнее время кедръ покрывали въ иныхъ мѣстахъ горы сплошными рощами, но человѣкъ не умѣлъ, да и теперь еще часто не умѣетъ пользоваться разумно природными богатствами страны. Въ жадности своей онъ забываетъ, что уничтожить все легко, но зато опустошенная земля не скоро наберется силы и дастъ ему прежнія богатства. Такъ было и съ кедромъ. Между другими деревьями они казались здѣсь великанами, широко и красиво разбрасывали они свои вѣтки и были лучшимъ украшеніемъ Ливанскихъ горъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ пророкъ Іезекииль: «Кедръ на Ливанѣ красовался вѣтвями и тѣнисть листвою, высокъ ростомъ; его вершина находилась среди толстыхъ сучьевъ. Воды растили его, бездна питала его. На сучьяхъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые... ни одно дерево въ саду Божіемъ не равнялось съ нимъ кра-

сотою своей; всё деревья Едемскія завидовали ему». Въ былое время кедры такъ обильно покрывали горные склоны, что душистый, смолистый запахъ разносился далеко вокругъ горъ, и Ливанская цѣпь недаромъ называлась «благоухающими горами.» Но отъ всёхъ этихъ богатствъ теперь осталось одно только обидное воспоминаніе. Громадные кедры даютъ толстыя, крѣпкія и стойкія бревна. Большія деревья безжалостно рубились, и въ то же время никто не заботился, чтобы молодые побѣги свободно разраста-

лись въ настоящія деревья на смѣну своимъ старикамъ. Стада домашнихъ животныхъ бродили между пнями и жадно пожирали молодыя растеньица. И вотъ теперь вмѣсто обширныхъ кедровыхъ лѣсовъ осталась только маленькая рошица на склонѣ одной горы.

Истреблены впрочемъ не одни только кедры. Громадные лѣса другихъ деревьевъ въ Палестинѣ почти совершенно исчезли; отъ нихъ остались только кое-гдѣ корни, которые вытаскиваются жителями на дрова или угли. А между тѣмъ какія разнообразныя и величественныя деревья встрѣчались въ этихъ лѣсахъ: развѣсистый кедръ и сосна, пи-

томцы холодныхъ земель, — высокая стройная пальма, которая такъ любить палящее солнце жаркихъ странъ и которой уже не встрѣтитъ нигдѣ къ сѣверу отъ Палестины; гибкія лозы винограда, сочныя ягоды котораго не выносятъ ни большого жара ни большого холода; прекрасные тополя, нѣжныя пахучія розы, получившія извѣстность во всемъ свѣтѣ; вѣчнозеленыя маслины, цѣлые лѣса апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ съ ихъ золотистыми плодами; высокія тѣнистыя смоковницы, съ которыхъ собираютъ такъ называемыя винныя ягоды, дубы, ели и много другихъ растеній, изъ которыхъ иныя встрѣчаются и въ нашихъ странахъ: пшеница, ячмень, просо, горохъ, бобы, арбузы, огурцы, тыквы, горчица.

Нѣкоторыя изъ этихъ растеній приносятъ громадную пользу мѣстнымъ жителямъ и приобрѣли большую извѣстность во всемъ мірѣ: таковы, напр., маслинныя или оливковыя деревья. Изъ плодовъ ихъ выдѣлывается то самое деревянное масло, которое жгутъ въ лампадахъ передъ образами; лучшіе сорта этого масла мѣстные жители употребляютъ въ пищу; маленькіе, продолговатые, черные плоды въ громадномъ количествѣ солятся или отвариваются въ уксуѣ и также служатъ для человѣка хорошимъ блюдомъ. Но для того, чтобы маслина стала такимъ полезнымъ растеніемъ, человѣку немало пришлось хлопотать съ ней. Въ дикомъ видѣ маслина представляетъ изъ себя невысокій колючій кустарникъ; тѣ же породы, которыя воспитываются въ садахъ, теряютъ свои колючки, имѣютъ уже видъ деревъ и достигаютъ въ вышину до пяти сажень. Маслина круглый годъ покрыта своими узкими, длинными листьями, которые сверху темнозеленаго цвѣта, а снизу совершенно сѣдые. Не только плоды, но и самое дерево идетъ въ прокъ на столярныя и иныя подѣлки. Разведеніе маслины такъ выгодно, что для нея высѣкаютъ

въ скалахъ площадки, привозятъ туда землю и такимъ образомъ сажать ее, повидимому, на самыхъ неудобныхъ и неприступныхъ мѣстахъ.

Такимъ же полезнымъ растеніемъ слѣдуетъ считать въ Палестинѣ и виноградъ, которымъ часто обильно покрыты склоны горъ и разведеніемъ котораго мѣстные жители особенно усердно начали заниматься въ послѣднее время. Сочныя ягоды винограда растутъ на цѣпкихъ и отчасти вьющихся деревьяхъ и деревьяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ виноградныхъ лозъ. Дикая виноградная лоза достигаетъ огромныхъ размѣровъ: она вытягивается иной разъ въ длину сажень на 15, а толщиной не уступаетъ порядочной березѣ и можетъ идти тогда на разные подѣлки. Но дикій виноградъ не вкусенъ, и человекъ долженъ приложить не мало труда для того, чтобы получить тѣ сладкія, вкусныя ягоды, изъ которыхъ готовятъ лучшія вина. Для посадки виноградныхъ лозъ выбираютъ подходящее мѣсто, глубоко взрыхляютъ его, разбиваютъ на клѣтки и только тогда разсаживаютъ молодыя вѣтки, срѣзанныя уже съ взрослыхъ растеній. Ежегодно каждый кустъ тщательно и внимательно обрѣзаютъ, чтобы оставить только нужныя и полезныя вѣточки, и аккуратно подпираютъ растущую лозу колышками. Зато хорошій виноградникъ такъ щедро вознаграждаетъ человека за уходъ, какъ никакое другое растеніе. Съ одной десятины винограда можно получить отъ 150 до 800 ведеръ вина, а какихъ денегъ стоитъ такое вино, извѣсто всякому. Къ тому же изъ винограда получаютъ не только вино, но и уксусъ и изюмъ, на которые повсюду громадный спросъ.

Большой доходъ также даютъ сочныя апельсинныя деревья, пахучія лимонныя и другія плодовые деревья, которыми особенно славится узкая полоса земли между Среди-

земнымъ моремъ и горами, подвинувшимися почти на самый берегъ. И, дѣйствительно, вокругъ города Яффы раскидываются, быть можетъ, самые замѣчательные сады въ свѣтѣ.

Въ Яффѣ высаживаются изъ парохода всѣ паломники, отправляющіеся на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ.

Издали съ моря Яффа кажется очень красивымъ городомъ; постройки ея поднимаются другъ надъ другомъ по горѣ, вдающейся мысомъ въ самое море. Но вблизи городъ не представляетъ изъ себя ничего привлекательнаго. Темныя, грязныя улицы узки до того, что по нимъ трудно пробираться даже съ небольшой ношей; дома раскиданы въ беспорядкѣ; вездѣ духота и смрадъ. Но зато какъ хороши ея сады, которые сплошными рощами раскидываются вокругъ нея версть на восемь. Больше всего здѣсь апельсиновыхъ деревьевъ, къ которымъ примѣшивается много другихъ породъ. Вотъ какъ описываетъ эти сады Елисеѣвъ: «Много было писано о прелести яффскихъ садовъ, но для того, чтобы судить о нихъ, надо самому посѣтить ихъ, особенно ранней весной, когда цвѣтутъ всѣ эти апельсины, лимоны, яблоки, смоковницы и маслины. Одурающій запахъ несется тогда съ яффскихъ садовъ даже на нѣкоторое разстояніе въ море. Ярче кажется тогда блестящая зелень апельсиновъ, покрытыхъ бѣлорозовыми цвѣтами, серебристо-сѣрая листва маслинъ, широкіе листья смоковницъ и разнѣзныя верхушки гордо покачивающихся пальмъ». Вокругъ садовъ, заселенныхъ массою пѣвчихъ птицъ, вмѣсто изгороди посажены почти сплошной стѣной колючіе, сочные кактусы, которые вытягиваютъ во всѣ стороны свои вооруженныя вѣтви-лапы и не дадутъ своими колючками пробраться ни человѣку ни животному. Но яффскіе сады требуютъ постоянной поливки, для которой устроено множество искусственныхъ канавъ и колодцевъ.

Доставать воду, годную для питья и поливки, въ Па-

палестинѣ вообще дѣло нелегкое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только и живутъ дождевой водой. Въ Палестинѣ считается два времени года: дождевое и сухое; съ конца сентября по мартъ идутъ постоянно дожди, и тогда даже небольшие

пересохшіе ручейки становятся грозными потоками, которые со страшнымъ шумомъ несутъ свои пѣнистыя воды. Въ остальное время дождей совершенно не выпадаетъ, а небо постоянно остается яснымъ и безоблачнымъ. Весной, когда земля напиталась водой, страна одѣвается зеленью, даже голые пески скрываются подъ роскошнымъ ковромъ травъ и цвѣтовъ. Но уже въ самомъ началѣ лѣта во многихъ долинахъ подъ палящими лучами солнца гибнетъ всякая растительность. Особенно опасными бываютъ сухіе вѣтры, порывы которыхъ доносятся изъ со-

сѣдной пустыни, раскинувшей свои накаленные пески и камни на полдень отъ Палестины. Быстро вянутъ тогда луга, засыхаетъ все до послѣдней былинки, земля принимаетъ сѣрый цвѣтъ, и только кусты да деревья еще скрашиваютъ неприглядную картину палестинскаго лѣта. Но яффскіе сады не боятся ни горячаго вѣтра пустынь ни зимнихъ холодовъ, которые бываютъ на сосѣднихъ горахъ. Отъ сухого вѣтра они закрываются горами, а холодъ смягчается близостью теп-

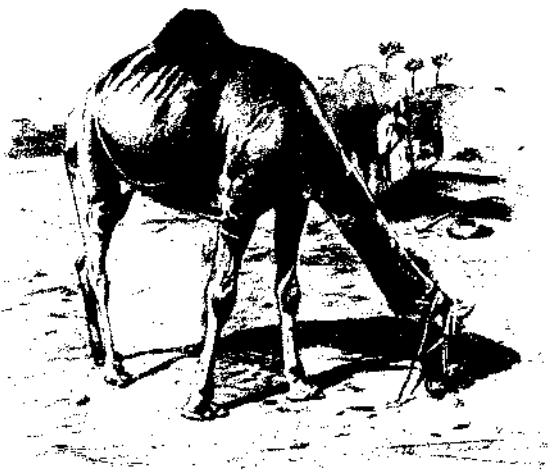
лаго моря. Впрочемъ значительныхъ холодовъ вообще не бываетъ въ Палестинѣ. Въ самые холодные мѣсяцы—январь и февраль—снѣгъ выпадаетъ только на высокихъ горахъ, а въ низинахъ его никогда не видали.

Эту страну еще много сотенъ лѣтъ тому назадъ заняли люди своими городами и поселками. Вотъ почему здѣсь повывелись всѣ крупные дикіе звѣри. Въ былое время въ горахъ раздавался грозный ревъ громаднаго льва, наводившаго ужасъ на жителей и ихъ стада. Теперь львы больше уже не встрѣчаются въ Палестинѣ. Повывелись также ядовитыя змѣи, но до сихъ поръ остался страшный, хоть и маленькій, скорпионъ. Снаружи это животное сильно напоминаетъ раковъ, но если разсмотрѣть его внутренности, если распознать, какъ оно дышитъ, перевариваетъ пищу, расплужаетъ дѣтей, то мы увидимъ, что оно больше подходитъ къ паукамъ, чѣмъ къ ракамъ. Но страшенъ скорпионъ не своими клешнями, а острой колючкой, которая сидитъ на заднемъ концѣ тѣла и выпускаетъ ядовитую жидкость. Нѣкоторые изъ скорпионовъ достигаютъ очень значительной величины и своимъ уколомъ способны даже убить человѣка.

Изъ крупныхъ животныхъ остался только медвѣдь, который шатается по глухимъ угламъ въ горахъ. Впрочемъ Мишка считается здѣсь добрымъ малымъ и рѣдко нападаетъ на стада и людей, но зато любитъ забраться въ виноградники, чтобы полакомиться тамъ сладкими, сочными ягодами. Когда виноградъ созрѣетъ, мѣстные жители, туземцы, стерегутъ по ночамъ свои сады и отгоняютъ непрошеннаго гостя, постукивая въ желѣзные или мѣдные тазы и плитки: этотъ заунывный звонъ раздается тогда по всѣмъ скатамъ горъ и холмовъ, гдѣ встрѣчаются только виноградники.

Крупную дичь, которая можетъ еще привлекать охотниковъ въ горы и рѣчныя заросли Палестины, представляютъ

кабаны или дикія свиньи. Наши домашнія свиньи безъ сомнѣнія пошли отъ кабановъ, но у кабана тѣло короче и уже, а ноги толще и длиннѣе; голова у него больше вытянута и тоньше; уши большія, стоячія, острыя; сильныя зубы; черно-бурая щетина на спинѣ собирается гривой. Любитъ онъ больше болотистыя мѣста, поросшія лѣсомъ или покрытыя камышомъ и кустарникомъ. Старые самцы живутъ въ одиночку, а самки держатся больше стадами вмѣстѣ съ своими дѣтенышами, которыхъ тѣ храбро защи-

щаютъ отъ всякой опасности. Съ виду кабанъ неуклюжъ, но двигается быстро, плаваетъ превосходно и можетъ подолгу оставаться въ водѣ. Зрѣніе у нихъ слабое, но зато слухъ и чутье хорошіе; это очень осторожныя животныя, но за себя постоятъ умѣютъ и тогда становятся опасными по своей силѣ и страшнымъ клыкамъ. День кабанъ проводитъ въ выкопанной для себя ямѣ, а ночью отправляется на добычу, ловитъ разныхъ мелкихъ животныхъ, выискиваетъ падаль, корни, плоды, желуди или посящаетъ и вытаптываетъ поля картофеля, рѣпы, хлѣбовъ. Мясо ихъ вкусно; въ дѣло идетъ также кожа и щетина.

Изъ остальныхъ животныхъ встрѣчаются тѣ же, что и у насъ: овцы, козы, лисицы и похожіе на волковъ шакалы, а изъ домашнихъ животныхъ особенную пользу оказываютъ здѣсь верблюды и ослы.

Наконецъ, въ Палестинѣ водится множество самыхъ разнообразныхъ птицъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны розовыя горлицы, вьющія свои гнѣзда на высокихъ вѣтвяхъ деревьевъ.

Городское населеніе Палестины.

Такимъ изобиліемъ животныхъ и растений отличается Палестина и теперь, но въ прежнее время она была несравненно богаче и населеннѣе. Недаромъ въ священномъ писаніи ее называютъ текущей молокомъ и медомъ. Особеннымъ плодородіемъ славилась всегда узкая полоса на берегу между Средиземнымъ моремъ и горами, гдѣ лежитъ и Яффа, знаменитая своими садами.

На этомъ побережьѣ уже въ глубокой древности стояли города, прославившіеся мореходствомъ, богатствомъ и науками. Да и теперь еще здѣсь большою извѣстностью пользуется городъ Бейрутъ.

Бейрутъ находится уже не въ Палестинѣ, а въ сосѣдней съ нею странѣ Сиріи. Сирія представляетъ такой же видъ, какъ и Палестина: повсюду поднимаются громадныя горы, перерѣзанныя зеленѣющими долинами и красивыми ущельями; горы эти также подходятъ къ самому морскому берегу, оставляя лишь узкую плодородную полосу. Здѣсь тѣ же животныя, тѣ же растенія и почти то же населеніе, что въ Палестинѣ. И часто объ эти сосѣдки, Палестина и Сирія, испытывали одну и ту же судьбу. Вотъ почему трудно говорить о Палестинѣ, не упомянувъ ни слова о Сиріи.

Бейрутъ—столица Сиріи: онъ занимаетъ такое живо-

писное положеніе, что еще въ глубокой древности былъ названъ красою Сиріи, «перломъ Ливана». Вотъ какъ описывается этотъ городъ д-ромъ Елисеѣвымъ: «Вѣчно голубое небо, въ которое упираются снѣжныя вершушки Ливана, красивая зубчатая цѣпь горъ и великолѣпное море со скалистыми извѣденными берегами. Другъ надъ другомъ по скату горъ поднимаются зданія города и многочисленныя дачи, тонушія въ роскошной зелени садовъ.

За домиками простираются виноградники, пальмовыя рощи, сады апельсиновъ и миндалей; самые нижніе дома почти купаются въ волнахъ морского прибоя, отъ котораго не защищаютъ ни берега, ни остатки древнихъ укрѣпленій, ни извѣденныя скалы, высывающія грозно по всему побережью свои вершушки.»

Бейрутъ, правда, мало похожъ на мѣстные города: въ немъ слишкомъ много обширныхъ просторныхъ зданій, тогда какъ обыкновенно дома здѣсь строятся небольшіе, низенькіе и всегда изъ камня. Съ виду такіе дома непривлекательны. Двери выходятъ не на улицу, а на дворъ, куда глядятъ и маленькія оконца, загороженныя большею частью рѣшетками, деревянными или желѣзными. Балконовъ никогда не устраивается, а вмѣсто нихъ служитъ плоская, какъ полъ, или слегка выпуклая крыша, по краямъ которой установлены перила. Сюда, на крыши, семья выходитъ погулять вечеромъ, подышать свѣжимъ воздухомъ или поболтать съ сосѣдями. На такихъ крышахъ иногда выстраивается второй—верхній городъ: бѣдные люди покупаютъ у болѣе достаточныхъ мѣсто и сколачиваютъ себѣ какую-нибудь незатѣйливую постройку, гдѣ и проводятъ свою невеселую жизнь. Тѣсныя улицы въ здѣшнихъ городахъ почти всегда сильно загрязнены, такъ какъ на нихъ выбрасываютъ всякій соръ и помой, а очищать ихъ никто не заботится.

Все это можно повторить про каждый городъ Палестины и Сирии, но о красавцѣ Бейрутѣ сказать этого нельзя. Дѣло въ томъ, что здѣсь поселилось много народу изъ другихъ земель, гдѣ люди привыкли жить по иному: французы, нѣмцы, англичане—все это наши сосѣди и живутъ въ одной части свѣта съ нами, русскими, въ Европѣ, а потому называются европейцами.

Европейцы завели въ Бейрутѣ совсѣмъ иные порядки; здѣсь наоборотъ всякаго пріѣзжаго удивляетъ множество великолѣпныхъ общественныхъ зданій: церквей, школъ, больницъ, библиотекъ, музеевъ; повсюду вытягиваются прекрасно мощенныя улицы, на которыхъ щегольскіе экипажи сталкиваются съ караванами навьюченныхъ верблюдовъ; за городомъ по склону горы проложена удобная шоссеиная дорога, а рядомъ вьются тропинки, по которымъ тянутся вереницы нагруженныхъ осликовъ.

Европейцы недаромъ стараются хорошенько устроиться въ Бейрутѣ. Черезъ этотъ городъ ведется главнымъ образомъ вся торговля Палестины и Сирии. Сюда со всѣхъ сторонъ свозятъ вино, фрукты, шерсть, шелкъ-сырецъ, табакъ, кожи для того, чтобы отправлять все это въ другія страны. Въ замѣнъ этихъ товаровъ привозятся кофе, сахаръ, шелковыя матеріи, сукно, стальные и стеклянные издѣлія, спиртные напитки. Ежегодно въ Бейрутѣ прибываетъ больше 4000 кораблей, въ томъ числѣ до 350 пароходовъ. Этими же товарами торгуютъ и во всѣхъ приморскихъ городахъ Палестины.

Но Бейрутъ славится не только какъ торговый городъ: онъ далеко извѣстенъ своими школами, въ которыхъ можно научиться всякимъ наукамъ и въ которыхъ, дѣйствительно, учится много молодыхъ людей. Бейрутъ въ томъ отношеніи совершенно особый городъ и другого такого не найдешь, пожалуй, на всемъ Востокѣ, какъ,

называютъ еврокейцы Палестину, Сирію, Турцію, Персію и другія сосѣднія съ ними страны. Но раньше здѣсь на берегу Средиземнаго моря было нѣсколько такихъ городовъ, знаменитыхъ своей торговлей и просвѣщеніемъ. Всѣ они принадлежали народу, котораго теперь давно уже и

на свѣтѣ нѣтъ. Народъ этотъ были финикіяне, и знать ихъ слѣдуетъ каждому, такъ какъ, благодаря имъ, распространилось употребленіе буквъ. Люди такимъ образомъ научились быстро и легко записывать все, что они думали, слышали и видѣли.

Такъ накапливались въ книгахъ знанія и переходили отъ однихъ поколѣній къ другимъ.

Палестина находится во власти турокъ, чиновники ко-

торыхъ сильно притѣсняютъ мѣстныхъ жителей. Населяютъ Палестину главнымъ образомъ арабы. Одни племена живутъ постоянно по деревнямъ, занимается хлѣбопашествомъ и называются феллахами. Другія же переходятъ съ мѣста на мѣсто со своими стадами и семьями: это бедуины. Бедуины страшно ненавидятъ и презираютъ феллаховъ за то, что тѣ покорно переносятъ всѣ притѣсненія турокъ, за то, что сидятъ по своимъ деревнямъ, а не бродятъ со стадами по широкой пустынѣ, и за то, что плохо говорятъ на родномъ арабскомъ языкѣ.

А между тѣмъ трудная жизнь выпала на долю этого красиваго и трудолюбиваго народа. Налоги съ нихъ берутся тяжелые, а для того, чтобы запущенная теперь земля давала хорошую жатву, надо убить на нее много труда. Особенно много хлопотъ съ водою, для которой приходится рыть колодцы, устраивать пруды, прокладывать жолоба. Рѣкъ и ключей въ Палестинѣ достаточно, но на склонѣ горъ, гдѣ часто раскидываются поля феллаховъ, достать воду дѣло нелегкое. Впрочемъ большихъ рѣкъ нѣтъ здѣсь. Самой крупной считается Иорданъ, на которой происходило крещеніе Иисуса Христа.

Небольшою горною рѣчкой доходитъ Иорданъ до Геннисаретскаго озера, берега котораго покрыты роскошной растительностью.

Изъ этого озера Иорданъ быстро и шумно несется по камнямъ прямо на полдень къ Мертвому морю, въ которое онъ и вливаетъ свои мутныя, но свѣжія воды.

Отъ Геннисаретскаго озера до Мертваго моря Иорданъ проходитъ немного больше ста верстъ. Вдоль всѣхъ береговъ его тянутся горы, покрытыя густыми рощами деревьевъ или зарослями кустарниковъ.

Д-ръ Елисеѣвъ, хорошо изучившій всю Палестину, такъ описываетъ Иорданъ: «Сюда къ прославленнымъ водамъ

приходятъ къ празднику Крещенья цѣлые караваны богомольцевъ изъ Іерусалима, караваны въ нѣсколько тысячъ человѣкъ преимущественно русскихъ. Съ молитвой выступаютъ паломники изъ Іерусалима; съ молитвой проходятъ свой путь, и караванъ ихъ растягивается на много верстъ по склонамъ горъ. Впереди идетъ духовенство; оно спѣшитъ попасть на Іорданъ раньше прибытія каравана, чтобы приготовить тамъ все нужное для служенія. На берегу Іордана, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, совершилось крещенье, на небольшой прогалинкѣ среди лѣса, разбита палатка съ временной церковью.

Здѣсь, когда соберутся всѣ, начинается богослуженіе и водоосвященіе. Потомъ всѣ присутствующіе въ чистыхъ сорочкахъ бросаются къ рѣкѣ и спѣшатъ окунуться въ ея воды».

Здѣсь же неподалеку отъ береговъ Іордана въ бывшее время лежалъ великій городъ Іерихонъ, извѣстный своею торговлей и красивыми постройками. Теперь же отъ него остались однѣ только развалины, на которыхъ раскинулась небольшая деревушка. Люди давно покинули эту долину, но природа попрежнему здѣсь хороша.

Нигдѣ въ Палестинѣ нѣтъ такого веселаго уголка. Множество ручейковъ дружно журчатъ, пробѣгая свой путь по каменистому дну. Густая заросль деревьевъ, кустовъ и травъ покрываетъ землю вѣчно-зеленымъ ковромъ, тысячи птицъ оглашаютъ воздухъ своими веселыми пѣснями, и путнику невольно хочется напоить верблюдовъ у какого-нибудь стариннаго колодца, пріютившагося подъ гущей пальмъ, покачивающихъ своими разрѣзными листьями.

Здѣсь, какъ и вездѣ въ Палестинѣ, встрѣчается всего только одна порода пальмъ, — финиковыя пальмы. Эти пальмы даютъ вкусные и очень полезные плоды — финики, а ихъ листья и дерево идутъ на разныя подѣлки.

У пальмы листья остаются постоянно зелеными; съ

ними въ вербное воскресенье стоять здѣсь на службѣ въ церквахъ, и паломники часто уносятъ ихъ съ собою на далекую родину, гдѣ и хранятъ на кіотѣ вмѣстѣ съ другими святынями. О такой занесенной вѣткѣ знаменитый поэтъ Лермонтовъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе:

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты дѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеіемъ была?
У воды ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
И пальма та жива ль понинѣ?
Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

И не въ одномъ только Іерихонѣ затихла городская жизнь. Развалины бывшихъ городовъ и поселеній раскинуты всюду по городамъ и долинамъ Палестины. Такое запустѣніе даетъ себя чувствовать не только среди остатковъ когда-то гордыхъ построекъ, но и повсюду среди существующихъ городовъ, извѣстныхъ въ прежнее время своимъ могуществомъ.

Такова, напр., славная нѣкогда Газа, отъ грозной крѣпости которой не найдешь почти и слѣдовъ. Остатки крѣпостныхъ стѣнъ и воротъ занимаютъ вершину холма, куда добраться можно лишь по каменнымъ лѣстницамъ, ведущимъ изъ нижняго города вверхъ. Такое и Кесарія, знаменитая прежде крѣпость, которая одно время была даже столицей всей Іудеи.

Такова же, наконецъ, неприступная нѣкогда крѣпость Иродіумъ, раскинутая на высокой, почти отвѣсной скалѣ и защищавшая всю страну отъ набѣговъ дикихъ сосѣднихъ народовъ.

То же самое въ значительной степени придется повто-

рить и про Иерусалимъ, хотя его ежегодно посѣщаютъ тысячи богомольцевъ. Вотъ какъ рассказываетъ о судьбѣ этого города, славнаго своими святынями, одинъ извѣстный ученый: «Настоящій Иерусалимъ стоитъ на развалинахъ много разъ погибавшаго города Давидова: саженъ на 6 и на 7 въ глубину идутъ эти остатки преименно схороненныхъ городовъ; груды мусора и пепла завалили собой тѣ камни, которые попирались стопою Христа. Иерусалимъ, въ древности Селимъ (что значитъ миръ), былъ основанъ по преданію за 2000 лѣтъ до Рожд. Хр. При царѣ Соломонѣ, сынѣ Давидовомъ, онъ достигъ высшаго величія и блеска и справедливо считался однимъ изъ величайшихъ городовъ міра». Съ тѣхъ поръ его разоряли неслучное число разъ: египтяне, филистимляне, ассиріяне и другіе народы. Наконецъ, вавилоняне разнесли его совершенно, срыли его стѣны и сожгли храмъ, а народъ весь отвели въ плѣнъ. Но Иерусалимъ возродился снова и черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ перешелъ вмѣстѣ со всей Палестиной во власть римлянамъ. Евреи нѣсколько разъ возставали, но римляне жестоко подавляли всякій разъ непокорныхъ. Особенно ужасной для Иерусалима была осада при римскомъ императорѣ Титѣ. «Запершись въ Иерусалимѣ, защищенномъ тройной оградой, евреи оборонялись съ мужествомъ отчаянія, но голодъ, тифъ, пожаръ—были могучими союзниками Тита; башня за башней, кварталъ за кварталомъ были занимаемы его войсками, кольцо осады постепенно суживалось вокругъ верхняго города; бѣглецовъ распинали передъ стѣнами, а плѣнниковъ бросали въ огонь или закалывали мечами. Когда послѣдняя крѣпость была взята, изъ полмилліона людей, находившихся въ городѣ до осады, едва осталось нѣсколько тысячъ несчастныхъ. Вновь отстроенный императоромъ Адрианомъ, но уже впредь воспрещенный для жительства іудеямъ,

Иерусалимъ долженъ былъ испытать новыя бѣдствія». Нѣсколько сотъ лѣтъ спустя, вся Палестина попадаетъ подъ власть арабовъ, исповѣдовавшихъ магометанскую вѣру.

Въ 1099 г. французы, нѣмцы, итальянцы рѣшили освободить святой городъ изъ рукъ невѣрныхъ, какъ называли они магометанъ, и отправили изъ Европы большое войско; участники этого похода носили на своей одеждѣ вышитый крестъ и назывались потому крестоносцами. Страшному разгрому подвергся Иерусалимъ со стороны ихъ войска. «Проложивъ кровавую дорогу до гроба Господня, нападающіе едва дали себѣ время прочесть молитву, и страшная рѣзня началась: болѣе 6000 магометанъ были перебиты». Но крестоносцы, основавшіе здѣсь Иерусалимское королевство, не могли надолго удержать священный городъ; онъ снова начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки, пока не попалъ къ туркамъ, которымъ принадлежитъ и понынѣ.

Какая ужасная исторія! Сколько крови, жестокости, страданій тамъ, гдѣ изъ устъ Самого Сына Божія раздавались призывы къ высшему милосердію: «возлюби ближняго своего, какъ самого себя»; «любите враговъ своихъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за близящихся и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца нашего Небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на поля праведныхъ и неправедныхъ».

Изъ немногихъ горныхъ городовъ Палестины, которые увеличиваются и отстраиваются за послѣднее время, заслуживаетъ особаго вниманія Назаретъ, гдѣ родился Иисусъ Христосъ. Лѣтъ двѣсти тому назадъ, онъ представлялъ изъ себя небольшую и небогатую деревушку. Но самое имя его привлекало сюда христіанъ, многіе изъ которыхъ рѣшались остаться навсегда тамъ, гдѣ родился Спаситель міра. Такимъ путемъ Назаретъ разрастался и украшался

церквами всѣхъ вѣроисповѣданій, монастырями, страннопримными домами и школами. Своими бѣлыми домиками, раскинутыми по склону холма, среди яркой зелени своихъ садовъ, этотъ городокъ производитъ на каждого самое благопріятное впечатлѣніе.

Кочевое населеніе Палестины.

Города опустѣли, но и деревни не выиграли въ своемъ многолюдствѣ. Мы говорили, что кромѣ осѣдлыхъ феллаховъ главное населеніе составляютъ кочевые арабы-бедуины.

Быть бедуиновъ мало измѣнился съ самыхъ древнихъ временъ. Они и теперь еще живутъ въ шерстяныхъ палаткахъ, которыя безъ труда перевозятся съ мѣста на мѣсто и матерію для которыхъ бедуинскія женщины готовятъ изъ шерсти черныхъ козъ и овецъ. Для остановки выбирается всегда открытое мѣсто, палатки разставляются кольцомъ, внутрь котораго на ночь загоняютъ скотъ. Для шейха, главы рода, ставится обыкновенно отдѣльная палатка, гдѣ онъ и принимаетъ гостей. Дѣтей своихъ бедуины любятъ, но о воспитаніи не заботятся. Ребенокъ самъ пріучается къ домашнимъ занятіямъ и упражненіямъ: мальчики стерегутъ стада и вѣзятъ верхомъ, а дѣвочки собираютъ топливо, носятъ воду и т. п. Когда мальчику минетъ 14 лѣтъ, а не то и раньше, родители высватываютъ ему невѣсту, согласія которой обыкновенно не спрашиваютъ.

Если сватовство имѣло успѣхъ, женихъ въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ является къ невѣстѣ и усаживаетъ ее на своего верблюда.

Свадебный поѣздъ съ пѣніемъ, пляской и стрѣльбой возвращается въ станъ жениха. На утро, когда новобрачная выйдетъ изъ палатки, закалываютъ овцу и устраиваютъ пиръ, затягивающійся иногда дней на семь.

Свадьба впрочемъ можетъ состояться лишь въ томъ случаѣ, если женихъ выплатитъ невѣстѣ известное приданое.

Главное занятіе и богатство бедуина — его скоть. Особенно высоко цѣнятся арабскія лошади; иная изъ нихъ стоитъ нѣсколько тысячъ рублей; кромѣ того, бедуины держатъ верблюдовъ, овецъ и ословъ, а на охоту выѣз-

жаютъ съ собаками и соколами. Несмотря на свои разбойническія привычки и наклонности, бедуинъ отличается большимъ гостепріимствомъ. Гость шейха считается гостемъ всего рода, и никто не можетъ его обидѣть. Пріѣзжій прежде всего обходитъ вокругъ «палатки гостепріимства», чтобы показать этимъ уваженіе къ хозяину и его роду, и затѣмъ уже входитъ въ самую

палатку. Въ палатку тотчасъ же собирается народъ. Разстилаютъ коверъ, стелятъ подушки, и гость садится на почетномъ мѣстѣ; ему подаютъ молока, яйца, сыръ и приглашаютъ остаться на ночлегъ. Обычай этотъ хранится такъ свято, что даже убійцу никто не можетъ тронуть, пока онъ находится въ «палаткѣ гостепріимства».

Но тѣмъ не менѣе разбой и грабежи не только не считаются у бедуиновъ дѣломъ позорнымъ, но наоборотъ

похвальнымъ. Въ схваткахъ нерѣдко участвуютъ даже женщины, при чемъ побѣдительницѣ предоставляется право выбрать самаго виднаго жениха.

Кочевой этотъ народъ не только бродить по горамъ и долинамъ Палестины, но постоянно встрѣчается и въ самой Аравійской пустынѣ, которая широко разсыпала свои золотые пески къ югу отъ Святой земли.

Пустыня, по словамъ путешественниковъ, несмотря на свое безмолвіе и безжизненность, отличается своеобразной прелестью. Вотъ одно изъ такихъ описаній: «И лежитъ кругомъ зыбучій, переливающийся на солнцѣ желтый песокъ. Тамъ и сямъ отдѣльныя невысокія, круглыя скалы съ небольшими кущами темнозеленыхъ пальмъ и разнообразныхъ колючихъ растений оживляютъ картину. Чѣмъ-то великимъ, мощнымъ, таинственнымъ вѣетъ отъ сонной пустыни! Не мертвымъ покоемъ заснула она: въ ней чувствуются скрытыя силы. Кажется, что вотъ вотъ она проснется, оживится, наполнится шумомъ и гомономъ пернатыхъ обитателей, прилетающихъ сюда съ сѣвера на зиму, вся содрогнется отъ могучаго рева царя пустыни—льва, вздрогнетъ подъ быстрыми ногами стада страусовъ».

«А теперь пока, въ знойное время года, только шакалы, точно русскіе волки зимою, воютъ темной ночью, вы-

ходя на невѣдомую добычу; змѣя блеснетъ на солнцѣ своею чешуей; да и та спѣшитъ скорѣе забраться въ расщелину отъ нескромнаго взгляда невиданнаго ею чудовища-человѣка; промелькнетъ юркая ящерица и быстро исчезнетъ; а надъ пустыней широкими взмахами паритъ бѣлый орелъ надъ толстымъ живымъ слоемъ саранчи, роящейся въ пустынѣ и бичемъ Божиимъ распространяющейся отсюда по всему свѣту. Ея еще не видно, но уже издали слышится характерное, злобщее шуршанье безчисленныхъ насѣкомыхъ... Смотришь и не оторвешь глазъ отъ величавой пустыни, даже лишнимъ словомъ боишься нарушить ея мервящую тишину».

Вся пустыня покрыта обломками скалъ, занесенныхъ сюда могучими зимними потоками воды изъ горъ, окружающихъ ее съ сѣвера, а отчасти и съ другихъ странъ свѣта. Группы горъ разбросаны кое-гдѣ и по самой пустынѣ. Самой знаменитой изъ нихъ являются, конечно, Синайскія горы.

Та гора, на которой даны были евреямъ десять заповѣдей, находится въ безпорядочной горной цѣпи, покрывающей Синайскій полуостровъ, который далеко вдается въ Красное море. Дикую и однообразную картину представляетъ здѣсь природа. Приведемъ опять-таки описаніе нашего соотечественника д-ра Елисѣева: «страшное безмолвіе и отсутствіе всякихъ признаковъ жизни на этихъ, переливавшихся нѣжными и яркими цвѣтами, обнаженныхъ вершинахъ и скалахъ горъ поражало даже насъ, привыкшихъ къ безмолвію пустыни».

На той горѣ, гдѣ среди грохота грома и блеска молній были получены скрижали, пріютилась теперь древняя монастырская обитель. «Непривѣтливо, какъ крѣпость, выглядятъ ея четырехугольныя, съ маленькими башенками, высокія стѣны, еще непривѣтливѣе смотритъ обнаженный склонъ мрачной горы, гдѣ она стоитъ».

Зато яркая зелень роскошнаго сада, прилегающаго къ обители, и его стройные кипарисы и тополи радуютъ взоръ утомленнаго путника и манятъ къ себѣ издали и верблюда и сѣдока. Съ трудомъ вѣрится, чтобы среди этой выжженной пустыни, среди этого моря камней могли вырасти такіе роскошные кипарисы, миндали, оливы, фиگی, груши, яблони, гранаты и множество другихъ растеній.

Такъ величественны горы пустыни, въ которой народъ Израиля проблуждалъ сорокъ лѣтъ прежде, чѣмъ достигъ обѣтованной земли. И теперь еще преданіе указываетъ среди Заіорданскихъ горъ ту вершину—Небо, на которую взошелъ передъ смертью Моисей и окинулъ прощальнымъ взоромъ землю, куда направляли свои пути колѣна Израиля и гдѣ жизнь сулила имъ такъ много счастья.

Чудная картина развертывается съ этой вершины на безчисленныя горы Палестины и на захватывающій просторъ Аравійской пустыни. Но среди всѣхъ красокъ этой пестрой картины вашъ взоръ невольно приковывается къ голубой зеркальной поверхности Мертваго моря, этого въ своемъ родѣ единственнаго моря на всей земной поверхности. Оно собственно невелико: 70 верстъ длины и 15 ширины, но недаромъ пользуется всеобщей извѣстностью и носить такое мрачное имя. Оно дѣйствительно—мертвое: ни одного живого существа ни одного растеньица не видно ни въ волнахъ ни по берегамъ, покрытымъ пескомъ да скалами. Воды его пересыщены солью и быстро убиваютъ все живое. Его вода, тяжелая, солено-густая, вязкая и клейкая ничего не принимаетъ въ свои нѣдра и упорно выбрасываетъ вонъ все, что заносится веселыми струйками Іордана, вливающаго въ него свои быстрыя волны. Тяжелыя, вредныя испаренія стоятъ надъ его поверхностью, и туманъ часто нависаетъ надъ нимъ своей тяжкой пеленой. Живая, но праздная фантазія бедуиновъ сложила о немъ

безъ числа разныя легенды и зловѣщія сказанія, и ни одинъ изъ нихъ не рѣшится пуститься въ ладѣ по его безжизненной поверхности.

Но среди ученыхъ нашлись смѣльчаки, которые съ опасностью для своей жизни рѣшились проплыть по безмолвному простору его и сорвать съ него завѣсу тайны.

Трудно далась первая изъ этихъ поѣздокъ американцу Линчу, который въ апрѣлѣ 1848 г. изъ Тиверіадскаго озера отправился внизъ по рѣкѣ Іордану въ Мертвое море въ двухъ металлическихъ лодкахъ. Ёдкій, вонючій запахъ охватилъ путешественниковъ, когда они вступили въ море, поднимавшее свои тяжелыя волны подъ напоромъ противнаго вѣтра. «Наши лица и платья,— рассказываетъ Линчъ,— быстро покрылись солеными крупинками, раздражавшими глаза и кожу. При усилившемся вѣтрѣ казалось, что не волны, а какіе-то тяжелые молоты били о стѣны лодокъ. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати дней мы чувствовали себя хорошо, но потомъ явились признаки, внушающіе безпокойство. Всѣ мы стали походить на страдающихъ водянкой: тощѣ пополнѣли, а толстые потолстѣли; блѣдныя лица стали свѣжими, а бывшія свѣжія стали багровыми; тѣло начало покрываться гнойными прыщами... Мои товарищи не могли осилить своей дремоты и заснули во всевозможныхъ положеніяхъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ.

Въ эту минуту мной овладѣлъ страхъ среди товарищей, погруженныхъ въ оцѣпенѣніе, волосы стали дыбомъ, и моему воображенію представлялось что-то ужасное въ разгорѣвшихся и вздутыхъ лицахъ моихъ спутниковъ; казалось, страшный ангелъ смерти носился надъ нами. Одни спали, согнувшись, тяжелымъ сномъ, и руки ихъ, лишеныя по кисть кожи отъ вреднаго дѣйствія воды, безжизненно висѣли на покинутыхъ веслахъ; другіе, закинувъ голову назадъ, съ растрескавшимися въ кровь губами, съ яркимъ

румянцемъ на щекахъ, казались даже и во снѣ страдающими отъ жары и истощенія; тогда какъ иные, на лицахъ которыхъ играли отраженные водою лучи, походили на призраковъ, и ихъ забытье сопровождалось нервнымъ дрожаньемъ всѣхъ членовъ; время отъ времени они вскакивали, жадно припадали къ боченку съ водою и снова впадали въ оцѣпенѣнне.» Линчъ послѣ этого путешествія два мѣсяца отдыхалъ со своими спутниками въ Ливанскихъ горахъ, но одинъ изъ нихъ все-таки не поправился и умеръ.

Воды Мертваго моря почти на четверть состоятъ изъ соли. Объяснить появленіе здѣсь такого густого раствора можно различными причинами. Прежде всего изъ моря нѣтъ выхода, а вода, которая скопляется въ немъ, сильно испаряется, оставляя принесенныя съ собою соли. Затѣмъ сама почва насыщена солями, а на днѣ морскомъ бьютъ горячіе соленые ключи. Но какъ ни страшно Мертвое море, оно не лишено своеобразной красоты. «Знойный полдень былъ въ полномъ разгарѣ, — рассказываетъ докторъ Елисеѣвъ про свое купаніе въ немъ; — чистая прозрачная вода такъ ласкалась у мойлѣ ногъ, была такъ обворожительна, такъ манила въ свои свѣтлыя струи и такъ дышала свѣ-

жестью, что нельзя было удержаться, чтобы не броситься въ нее. Не прошло и двухъ минутъ, какъ я уже раздѣлся и съ какимъ-то особеннымъ волненіемъ, охватившимъ меня при одной мысли искупаться въ Мертвомъ морѣ, бросился въ соленую воду. Прохлада сразу освѣжила меня и потянула дальше. И чѣмъ дальше я входилъ въ прозрачную, манящую воду, тѣмъ сильнѣе хотѣлось подвигаться впередъ. Послѣ перваго благотворнаго ощущенія прохлады появилось еще новое чувство: я замѣтилъ, что сталъ какъ-то легче, что вода держитъ меня, словно щепку, брошенную на ея поверхность. Однакожъ, руки и ноги мои должны были преодолѣвать сильное препятствіе, чтобы подвигать впередъ тѣло, хотя оно и плавало, какъ пробка. Руки какъ-то чувствовали густоту воды, и ударъ, даже легкій, по ея поверхности сопровождался болью, какъ ударъ по доскѣ. Болѣе получаса пробылъ я въ водѣ Мертваго моря. Передъ тѣмъ, какъ выходить, я вздумалъ повторить опытъ Веспасіана и легъ, скрестивъ руки, на поверхности моря. Сначала это удалось мнѣ отлично, но потомъ, внезапно покачнувшись, я потерялъ равновѣсіе и повернулся головой внизъ. Я поспѣшилъ избавиться отъ этого положенія, но не успѣлъ еще хорошенько прійти въ себя, какъ страшное жженіе въ глазахъ, во рту, въ носу и въ горлѣ заставило меня стремглавъ броситься къ берегу. Жженіе было такъ сильно, что я чуть не кричалъ отъ боли. Представьте себѣ, что въ глаза ваши попалъ растворъ мыла, что въ ротъ и носъ вамъ насыпали мелкій порошокъ горькой соли, что въ горло вамъ всыпанъ табакъ и что на всѣ слизистыя оболочки тѣла капнули горчицей,—тогда вы будете имѣть понятіе о томъ ощущеніи, какое испытывалъ я, окунувшись въ воду Мертваго моря.

Закрывъ глаза отъ нестерпимой боли, чихая, кашляя и выплевывая частицы соленой воды, неистово размахивая ру-

ками и ногами, я, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ воды и помчался къ своему проводнику, Осману, прося у него дать мнѣ хотя немного прѣсной воды, чтобы промыть глаза. Увидя меня въ такомъ видѣ, махавшаго руками, мотавшаго головой, чихавшаго, кашлявшаго, Османъ обомлѣлъ отъ изумленія. Съ его помощью, изведя весь запасъ прѣсной воды, я немного облегчилъ рѣзь въ глазахъ, хотя они были красны, какъ у кролика. Потомъ, понужденный жжениемъ всѣхъ слизистыхъ оболочекъ, я, какъ былъ, вскочилъ на лошадь и помчался бѣшенымъ галопомъ по направленію къ Иордану. Все тѣло мое, несмотря на то, что оно было обвѣяно струей разсѣкаемаго воздуха, все-таки оставалось влажнымъ! Какая-то липкая, жирная на ощупь и кое-гдѣ осѣвшая въ видѣ бѣлой соли смазка покрывала меня. Особенно густо скопилась она во всѣхъ складкахъ кожи и между пальцевъ. Волосы покрылись тою же липкою смазкой и до того склеивались, что ихъ нельзя было разлѣпить. Все тѣло слегка чесалось, а когда я попробовалъ лизнуть языкомъ свою руку, то ощущеніе было до того жгуче, что я уже больше не повторялъ этого опыта. Все мое тѣло было какъ бы просолено. Наконецъ, я достигъ Иордана. Нечего и говорить, съ какою радостью я соскочилъ съ коня и бросился къ рѣчнымъ воды. Я упивался, захлебывался іорданскою водою, мылъ въ ней все тѣло, полоскалъ ротъ, брызгалъ себѣ въ глаза.»

Особенно страшно Мертвое море во время бури. «Вотъ ударили въ первый разъ съ шумомъ о берегъ полукаменные волны,—разсказываетъ очевидецъ;—застонала земля, въ окружающихъ горахъ послышался ревъ бури, и цѣлая туча брызгъ и соленого тумана какъ-то внезапно вырвалась изъ глубины моря, окатила насъ и понеслась внизъ по долинкамъ. Застонало и загудѣло до тѣхъ поръ сонное море и, какъ дикій звѣрь, ринулось на берегъ своими тяжелыми волнами».

Такова Палестина со своими знаменитыми и интерес-

ными окрестностями. Назаретъ и Виолеемъ, Тиверіадское озеро и гора Ѡаворъ, Сихемскій колодець, Елеонская гора,— все это священные мѣста и извѣстныя каждому. И невольно приковывается вниманіе къ Святой землѣ, гдѣ лежатъ эти памятники земной жизни Спасителя міра. Вдуматься въ судьбу и исторію этой страны—поучительно каждому. Населеніе, раскиданное въ горахъ, не могло составить одного сильнаго общества, которое сумѣло бы постоять за себя. Одни завоеватели смѣняють другихъ, оставляя послѣ себя разоренные города, сожженные селенія, перебитыхъ и испуганныхъ жителей. Море крови было пролито тамъ, гдѣ Спаситель міра вѣщалъ свои кроткія рѣчи. И вотъ богатая, щедро одаренная природой, страна начинаетъ все больше и больше приходить въ запустѣніе: всюду развалины въ былое время могучихъ городовъ и крупныхъ сооруженій,—водопроводовъ, шоссейныхъ дорогъ и гаваней; наглядно видно, какъ успѣшно даже въ то время своими маленькими силами боролся человекъ за свое существованіе. Но люди не сумѣли здѣсь соединить свои силы на благо свое: они избивали, преслѣдовали и мучили другъ друга; каждый побѣдитель хищнически старался захватить все, что могъ. Сведены могучіе лѣса, краса и гордость Ливана; изсякли источники и обмелѣли рѣки, и пустыня все больше и больше засыпаетъ своими золотыми, но безплодными песками тѣ страны, гдѣ еще нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ была жизнь горячимъ ключомъ. Такъ мститъ природа человеку, когда не добрымъ хозяиномъ, а хищникомъ онъ обращается къ ней. Тамъ, гдѣ десятки милліоновъ людей находили себѣ обеспеченную жизнь, теперь нѣтъ и полутора милліона, да и тѣ ведутъ жалкую жизнь кочевниковъ. Да, только въ союзѣ съ другими людьми и при свѣтѣ разума, человекъ можетъ достичь своего благополучія.